

Штрихи к истории отечественной социологии

**Интервью с С.А.Белановским,
старшим научным сотрудником
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН**

С.Ярошенко: Мой первый вопрос связан с методологией качественных методов исследования. Что лежит в их основе, по каким принципам они развиваются и каковы пределы их использования?

СБелановский. По-видимому, речь должна идти о каких-то границах применимости разных методов, и поначалу мне хотелось бы сказать, что научные исследования можно разделить на прикладные и, условно говоря, не прикладные, академические. Разница между ними состоит в том, что первые в каком-то смысле проще проводить, потому что там есть заказчик, есть некоторое заинтересованное лицо, и если это лицо достаточно здравомыслящее, оно формулирует весьма ясно проблему, которую нам остается техническими средствами решить.

То, что называют количественными методами - по сути дела это массовый репрезентативный опрос. Сюда, конечно, относится и статистика, и другие измерительные процедуры, но, в конце концов, для социологии все-таки традиционно наиболее массовым методом является стандартизованное интервью. Насколько я себе представляю историю возникновения этого метода, у его истоков лежали чисто прагматические задачи и изобрели-то его даже, как мне представляется, не социологи. На каких-то очередных выборах возникла любопытная проблема: кто победит? Финансировали эту работу газеты и другие заинтересованные организации. Сам вопрос был очень прост, и в такой простоте он и дошел до наших дней (за

кого будете голосовать - и конкретные фамилии). Для меня симптоматичен пример, когда в тридцатые годы во время выборной кампании Гэллуп на меньшей выборке дал более точный прогноз. Так получилось не потому, что он лучше сформулировал вопрос, а потому что он лучше продумал выборку. Эти опросы произвели, конечно, впечатление и на общество, и на социологическую общественность. Стало ясно, что этот инструмент работает в каких-то пределах. А дальше получилась следующая весьма обычная ситуация, когда метод, который себя хорошо зарекомендовал в какой-то локальной области, распространяют на другие, самые различные области. Как во всяком экспериментировании, приходится признать, что здесь было много неудачного. Успех любого метода стимулирует возникновение своего рода моды. Все-таки этот метод возник из весьма узкой практической сферы, и эта изначальная узость должна была навести на мысль о неуниверсальности данного метода.

Надо подчеркнуть, что этот метод завораживал, очаровывал, была иллюзия, что он позволит в самом деле узнать "глас народный". Когда в 60-е годы он начал активно внедряться в нашей стране, очень силен был гуманистический мотив его внедрения. Казалось, что мы возьмем анкеты, пойдем на заводы - и наконец-то узнаем, что думают на самом деле рабочие. Подспудно предполагалось, что рабочие не во всем согласны с советской властью и что с результатами исследований можно идти к этой самой власти и просить ее скорректировать свои позиции. Понятно, что по многим причинам это была довольно наивная точка зрения. Я не буду описывать все аспекты этой наивности, но могу сказать, что мнение народное - вопрос очень темный, чем дольше живу, тем меньше я в этом что-то понимаю. Мне кажется, что с этой же проблемой столкнулись и организации, которые профессионально занимаются такими опросами (ВЦИОМ и подобные). Существовал и существует некоторый набор чисто прагматических задач, который требует применения количественного метода, например те же выборы. Почти тождественность процедуры опроса и процедуры выборов во многом способствует успешности применения этого метода. Чем дальше мы уходим от этого, тем более вопрос использования количественных методов становится проблематичным, что и привело к некоторому бунту против количественных методов, который возник на Западе в 70-е годы и у нас сейчас.

Существуют пределы точности массовых опросов. Их результаты зачастую оказываются неадекватными мышлению опрашиваемого человека, а тем более его поведению. Можно сказать, что достоверно лишь распределение реакции на наш вербальный стимул, все остальное - вопрос интерпретации.

Я думаю, нет принципиальной разницы между количественными и качественными методами - это способы получения базы первичных данных. И если в первом случае исследователь имеет дело с цифрой, то во втором - с текстом.

Я.: На протяжении многих лет Вы пытаетесь изучать реальность с помощью качественных методов. Как Вы пришли в социологию и чем обусловлены Ваши научные интересы?

Б.: Я по образованию химик, и в социологию пришел, став поначалу политическим диссидентом, начитавшись "антисоветской" литературы, которая на меня произвела очень сильное, отчасти шоковое впечатление. Оглядываясь назад, я могу сказать, что сейчас уже не уверен, что диссидентство - самый конструктивный путь. Если говорить о моей научной биографии, то на моем жизненном пути попалось два замечательных человека. Один из них философ - Эрик Григорьевич Юдин. Второй человек - Валентина Федоровна Чеснокова. Мне было 25 лет, когда она мне помогла устроиться в социологическую лабораторию в Минуглепроме. Там занимались, с моей точки зрения, ерундой. Но вот однажды поступил заказ на исследование. Импульс шел от производства и в принципе он был правильный, но, пройдя через бюрократические инстанции, исказился до обесмысливания. Импульс состоял в том, что сменяемость руководителей на угольных шахтах доросла до немыслимых величин, и это фиксировалось в министерских сводках. Как люди достаточно неглупые, министерские работники эту тенденцию отследили. Реакция у них на это была вполне здравая - есть такая негативная тенденция, вот пусть наука ею и займется. Но на каком-то этапе произошла подмена понятий: руководители превратились в ИТР, а сменяемость - в текучесть кадров. Институт, в котором я работал, заключил подрядный договор с Академией народного хозяйства, там быстро разработали толстые анкеты. Они в основном дублировали аналогичные анкеты по текучести рабочих кадров, хотя по-своему были сделаны грамотно. На основе этого исследования получилось, что текучесть ИТР связана с низкой

зарплатой и с плохой обеспеченностью жильем. В этом есть какой-то элемент правды, но очень косвенный: правильной было бы написать, что данные два фактора ослабляли социальный конкурс на эти места. Мне же поручили заниматься этой темой параллельно. В.Ф.Чеснокова тогда сказала буквально следующее: "Я посмотрела эти анкеты. У меня двойственное впечатление. С одной стороны, они составлены более-менее грамотно, но с другой стороны, будь моя воля, я бы взяла диктофон, пошла к директору завода и поговорила с ним, потому что я допускаю, что все основные факторы известны, но наша задача и что-то новое услышать". Диктофона у меня тогда не было, только ручка с блокнотом, но та эпоха имела свои преимущества - при Минуглепроме существовал институт повышения квалификации, куда тех, кто меня интересовал, свозили в плановом порядке на учебу. Мы договорились, что для меня с лекции человека будут снимать и я два часа с ним буду беседовать. Интересно, что за все время, что я туда ходил, я только раз столкнулся с ситуацией, когда никто не хотел уйти с лекции ко мне на интервью - это была лекция по трудовому законодательству.

Наша первая беседа выглядела так. Я сижу и напротив меня - главный инженер угольной шахты, на которой недавно сняли директора и производственная ситуация совсем непростая. Видно, что человек издерган, хотя довольно молод. Когда я его спросил, актуальна ли для него проблема текучести инженерно-технических работников, он ответил утвердительно. На вопрос о том, почему они увольняются, он ответил вопросом: "Кто увольняется? Они не увольняются. Их снимают." Так что мои качественные методы начались именно с этого. Когда получаешь такого рода ошеломляющий результат, идущий вразрез с ожиданиями, он в какой-то мере ставит в тупик. После этого у меня был какой-то латентный период, когда если бы меня спросили, что я делаю и зачем, я бы, наверное, не ответил, потому что я с тупым упрямством ездил в этот институт повышения квалификации и ежедневно 2-3 человека опрашивал (кстати, тогда же я понял, что больше 2 в день опросить трудно). Рассказы в основном повторялись, хотя с некоторыми вариациями, но я не уставал их слушать - я думаю, что через такое ощущение должен пройти каждый социолог. Материал тот до сих пор остался "неотжатым", отчасти загадочным, потому что работа оборвалась.

Теперь стоит поговорить, что же дал мне тот опыт относительно

гипотез и их проверки качественными методами. Изначальная гипотеза состояла в том, что существует текучесть ИТР, а оказалось, что есть административная сменяемость среди руководителей. Далее, начитавшись антисоветской литературы и будучи своего рода «революционером», я ожидал услышать какие-то слова о притеснениях, ожидал найти скрытую революционную ситуацию. Это тоже была как бы гипотеза, хотя я считал ее не подлежащей сомнению истиной. И тогда я впервые услышал слова, которые сработали против этой гипотезы и которые тоже меня ошеломили. Самое ценное, что мне тогда удалось обрести, состояло в том, что работники часто отвечали мне как бы вразрез с теми вопросами, которые я задавал. И когда мы дошли все же до выяснения причин сменяемости, вместо того, чтобы четко обозначить (за невыполнение плана, несоблюдение техники безопасности), вдруг вопреки логике вылезало, что выходных дней у руководящих работников шахт практически нет, что рабочий день по 12 часов, но это удалось «раскрутить» не сразу, а постепенно. Когда я услышал, что у них грубо нарушается КЗОТ, что они работают не 41 час, а за 70 часов, у меня как у революционера, имевшего гипотезу о наличии революционной ситуации, несправедливости и эксплуатации, возник естественный вопрос: "Это вас начальство заставляет?". И ответ был такой: "Пришел ко мне свыше приказ, что подчиненные мне начальники участков в течение месяца должны в ночную смену выйти не менее 6 раз. Но как главный инженер такого изнурения людей я в жизни не допущу. Если мы доверили человеку должность, то мы должны доверять и ему самому. Если что случится, я сам пойду в ночную смену, меня заставлять не надо. Но ставить меня на контроль, считать, сколько раз в месяц я спущусь в шахту - это неправильно. Ночная работа вышибает на сутки, и я скорее теряю контроль над общей ситуацией."

Гипотеза о глупости начальства в этом высказывании, может быть, отчасти и подтвердилась, хотя я не стал бы называть ее строго доказанным научным фактом. Но главное состоит в том, что в словах респондента появилась некоторая аномалия по сравнению с классовой концепцией, которая звучала в словах, что "угнетаемый" и сам пойдет в шахту, когда этого потребует обстановка.

Совокупность таких вот интервью существенно изменила мое мышление и понимание, на практике убедила в правоте Вебера, который говорил, что мы должны анализировать без оценочных

суждений. Собственно говоря, момент моего рождения как социолога и момент моего рождения как качественного социолога я бы датировал концом 70-х годов. Мне жаль, что потом такая ситуация в моей жизни не повторялась. Я твердо убежден, что если бы я пользовался тогда только анкетным инструментарием, то никаких интересных результатов не получилось бы.

Я.: А как складывалась Ваша карьера ученого?

Б.: Около 10 лет я проработал в отраслевых организациях, сначала в Минуглепроме, потом в Миннефтехимпроме в лабораториях социологии, где занимались всесоюзной «липой» под названием "социальное планирование". С позиций сегодняшнего дня я бы сказал, что планирование в нашей стране существовало, но в каких-то загадочных непонятных формах, причем социологи не знали элементарного, были довольно-таки неграмотны с точки зрения экономической (и не только), да и с практикой были знакомы очень приблизительно. Был такой экономист Карл Менгер. Работая на стыке экономической теории и практики, он пришел к выводу, что существует поразительное противоречие между традиционной теорией цены и реальной практикой ценообразования (речь шла о рыночной экономике). Я для себя открыл, что у нас существовало поразительное противоречие между тем, как система планового управления описывалась в учебниках, и тем, как она функционировала на самом деле. Вы нигде не найдете такого раздела в планировании, как сменяемость руководителей, в том числе количество арестованных и посаженных. (Кстати, в перестроечную эпоху где-то к близкой концепции пришел Михаил Жванецкий. У него есть миниатюра, построенная как отчет начальника народного контроля, который основан на показателях, сколько директоров получило инфаркт, сколько испытывает острую сосудистую недостаточность и прочее.) Большая часть моих усилий была направлена на то, чтобы этот вопрос поглубже изучить, но потом объект рухнул, и сейчас надо приспособливаться к новым реалиям, по сути - это начинать новую жизнь. Нынешнее общество, на мой взгляд, более закрыто, чем старое, хотя мы надеялись, что будет наоборот. В Германии между войнами научное сообщество столкнулось с теми же проблемами, и там существовало Нюрнбергское общество по изучению потребления, которое внедряло агентуру, то есть

работало почти методами спецслужб. У меня есть ощущение, что нам придется пойти по тому же пути. В 70-е годы разговорить можно было многих директоров, можно было сыграть на их раздражении. На чем сейчас сыграть - мне трудно сказать. В прежней системе я искал людей следующим образом: во-первых, это должен быть человек, который находится на напряженном месте; во-вторых, мне нужно было, чтобы человек не боялся говорить. Сейчас это как-то исчезло. Если говорить о сегодняшних ситуациях, надо искать людей, которым нечего скрывать, которые даже как-то заинтересованы в том, чтобы поделиться своим наболевшим. Методы все-таки вторичны по отношению к задаче, ими можно варьировать. Чем более закрытым является общество, тем неизбежно более дорогими и более сложными будут инструменты, с помощью которых это общество можно изучать. Анкета в данном случае становится абсолютно неприменима, и интервью-то в некоторых случаях не возьмешь (попробуйте, например, задать вопрос о том, как данное предприятие уходит от налогов). К анкетам, кстати, опрашиваемые относятся проще, потому что она более безопасна, но не потому, что анонимна, а потому, что в ней уже предложены готовые варианты. Больные вопросы так не вскрыть. Мы, социологи, все должны быть озабочены тем, чтобы сказать какое-то слово свое по поводу ситуации в стране, но мы совершенно к этому не готовы. Поэтому нам нужен разбег, формирование школ, изучение западного опыта. У нас катастрофический дефицит литературы. Западная индустриальная социология все-таки в большей степени репродуцирует мнение менеджмента, чем это принято думать.

Моя кандидатская диссертация называлась "Факторы эффективности управленческого труда в промышленности". Была она опубликована и как книга. Все-таки самое ценное, что мне удалось сделать (открыть функциональный механизм административной сменяемости), цифрами практически не подтверждено, это описательный текст. А там, где речь идет о менее значимых вещах, они богато иллюстрированы статистикой. Трудно сказать, в какой мере количество статистики свидетельствует о доказательности, но уж во всяком случае, оно не свидетельствует о значимости, потому что самый значимый момент моей книги статистику почти не содержит. То же самое говорит о своей работе Ю.В.Яременко, хотя она совсем не похожа на мою.

История с защитой моей докторской диссертации - загадка для меня самого. Мне инкриминировалось то, что я свою книгу, грубо говоря, списал у Мертона, но весь юмор в том, что именно у него-то я ничего и не взял. Действительно, в нашей лаборатории эту книгу перевели и даже издали. Эта книга весьма специфичная, очень плотная, и я совершенно сознательно отказался от ее изложения, потому что это тот случай, когда пересказывать - значит портить. Это та книга, которую много раз надо перечитывать. Мне странно, как люди не побоялись приписывать мне плагиат, но это произошло. Я думаю, они понимали, что это не так. Какими мотивами они руководствовались - мне не известно.

В результате я все-таки докторскую защитил, но по совокупности опубликованных работ. Я не уверен, что ВАК ее утвердит, там уже было четыре заседания экспертного совета и вопрос еще не решен. Вполне возможно, что результат будет отрицательный. Конфликтовать в нашем обществе по-прежнему опасно.

Я.: Одна журналистка написала, что Вы ставите эксперимент на самом себе, что вся история Вашей жизни - это история реализации качественных методов.

Б.: Я думаю, что это может сказать о себе каждый человек. Вопрос защиты диссертации было бы, безусловно, интересно исследовать качественными методами. Жизнь - это своего рода включенное наблюдение. Когда я работал в Нефтехимпроме, у меня был научный руководитель, который преподавал в Ленинградском финансово-экономическом институте. Он был пьяницей, любителем женщин и официально зарегистрированным коллекционером оружия. По-своему, человек широкой души. Когда я к нему приезжал, он на свои деньги поил меня коньяком и выполнял роль научного наставника. И сказал он мне однажды следующие слова: "Сережа, ты уже скоро защитишь кандидатскую, я тебе советую, не откладывай докторскую в долгий ящик, потом становится трудней. И еще - не пытайся открыть в науке что-то новое, все, что можно написать, уже написано." Затем он достал из шкафа кипу ксерокопий, это были какие-то статьи из разных экономических журналов. Назвав это подарком, он рекомендовал мне разложить их вокруг себя и списывать, только не помногу, а то видно будет. "Диссертация - сказал он - это сочинение на

вольную тему. Неважно, что ты там напишешь. Важно получить доступ к защите”.

Знал я одну молодую женщину, аспирантку, которая зарабатывала себе на жизнь тем, что писала разным людям диссертации. Написала их штук 15, из них 4 докторских. Я спросил, как она это делает, и получил ответ, что обложится книгами по данной проблематике и пишет. Главное, как я понял, состоит в том, чтобы писать нечто банальное и общеизвестное, то, что не вызывает возражений. То есть, по сути, тот же самый алгоритм. Насколько я знаю, у людей, пользовавшихся ее услугами, сбоев при защитах не было, а вот у меня возникли. Человек, который не поленился бы с помощью качественных методов описать, как у нас защищаются диссертации, рассмотреть этот механизм - сам мог бы на этом защитить диссертацию. Все это, конечно, отчасти, шутка, но, как известно, в любой шутке есть доля правды. Я бы даже добавил такую парадоксальную вещь: наука у нас структурируется своеобразными "мафиями". Кстати, это не всегда плохо, внутри мафии может вырасти и неплохой ученый. Но все-таки это не лучший способ жизни. Много способных людей, не выдержав унижений, уходят из науки.

Я защищал свою кандидатскую в институте Т.Заславской, в Новосибирске. Кроме самой Татьяны Ивановны и Р.В.Рывкиной, было еще там несколько способных интересных молодых людей. Но идеализировать этот отдел не стоит. Протащила меня с моей книгой, конечно же, Рывкина, без нее меня там просто бы провалили, причем не столько по параметрам самой работы, сколько потому, что я "не свой". Во всяком случае, я так считаю. Там меня сильно поунижали, где-то озлобили. Я думаю, что Т.Заславская удивится, если прочтет эти слова, а вот Р.Рывкина, как мне кажется, признает их правоту, потому что она видела ситуацию с более близкого расстояния. Я не знаю, хранится ли до сих пор мое аттестационное дело, но если оно есть, то я берусь найти там одну крайне неквалифицированную запись, которая сделана мне в качестве замечания. Суть дела касается теории выборки. Я говорил, что если отсутствует генеральная совокупность, то ставить вопрос о выборке и о ее репрезентативности неправомерно, не имеет смысла. А у меня там вопрос именно так стоял. Я уверен, что если бы не Р.Рывкина, я бы свою работу в качестве кандидатской диссертации не защитил, потому что был какой-то предел унижений, на которые я готов был пойти. Кстати,

что-то похожее произошло с моим учителем В.Ф.Чесноковой - ведь она не только не доктор, но и не кандидат наук.

Я: Как Вы думаете, достоверно ли социологическое знание?

Б.: Я сторонник идеи К.Поппера и его последователей. Логические структуры, являющиеся концепциями, эволюционируют, с одной стороны, сталкиваясь друг с другом, а с другой - с реальностью. Любая концепция проверяется действительностью, и таким образом происходит необратимый процесс развития теории. Требование научной точности возникло в естественных науках, в результате столкновения двух точек зрения вокруг одного эмпирического факта. В социологии позитивистский идеал строгого научного знания не реализуется. Точки зрения и факты в социологии более гипотетичны и менее доказательны, в них присутствует больший элемент описательности. В социологии есть хорошо аргументированные работы, но не всегда их можно считать доказанными. Примером хорошо аргументированной работы является книга Р.Мертон о референтных группах. Она демонстрирует некий предел социологии по достижению научной строгости. Но даже в самых строгих социологических работах эмпирика не покрывает всего теоретического пространства, в них силен элемент воображения.